Ольминский М.

В нашем пол-
ку (рассказ
красноармей-
ца)..

М., 1919.

ИМЛ — Библиотека
ГК535
0 476

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ГК535
О'Г+Ь

М. ОЛЬМИНСКИЙ.

В НАШЕМ ПОЛКУ

(рассказ красноармейца).

Цена 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.
ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ.
Москва.—1919.

1981 ГК535 0476 р
Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б.) 18479
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

В нашем полку.

(Рассказ красноармейца).

I.

Наш полк стоял в губернском городе. Я раньше был на германском фронте. Погнали нас туда еще при Керенском, в 1917 году. Сражения видеть не довелось, а натерпелся довольно от холода и голода в окопах. И когда прослышали, что Керенский бежал, то были рады. Новое рабочее и крестьянское правительство, слышно было, объявило всему миру, что воевать больше не хочет. И все мы ждали,—вот-вот заключат мир. Многие самовольно уезжали с позиций домой, и никто не видел в том греха: все равно воевать больше не будем.

Службу несли кое-как, амуниции и оружия не берегли,—пропади они пропадом!

Как вдруг,—зима уже к концу подходила,—слышим: появились германские разъезды. Потом слышны выстрелы. Никому не было охоты сдаваться в плен: знали, как мучат немцы нашего брата работой и голодом. А чуть им поперечишь,—еще того хуже. Чтобы не попасть в плен, все мы, будто испуганное стадо, бросились от немца. Пушки, пулеметы, винтовки—побросали их, только бы скорее уйти. Добежали до станции,—большая была станция,—а там уже светопреставление: нашего брата видимо-невидимо;

всяк норовит влезть в вагон; тащут мундирную одежду и что попало, у иного большой узел в руках, или мешок туго набит. Уже вся площадка вагона занята, и на крыше люди. А многие разбивали стекла и влезали через окно. Снег пошел, набился от ветра в вагон, да нам не привыкать. В конце-концов, все же поезд двинулся, дальше да дальше; а там мы добрались и до своей волости и разбрелись по деревням. Только дома, в избе, я опомнился и начал соображать, как и что. Я думал:

— Немец, говорят, идет вперед, и забрал уже несметное имущество наше, которое было на фронте; занял уже многие города и покоряет себе. Пожалуй, и в нашу губернию зайдет. Да чорт с ними!—думал я: хуже, чем на позициях, не будет.

Только потом, вскоре, как повыгнали из уезда всех помещиков и землю у них отобрали и хозяйство, то и я задумался: придут немцы, а у них за полу шинели будут помещики держаться, и опять сядут в своих разбойничьих гнездах-имениях и будут драть аренду за землю хуже, чем раньше. Однако, немец до нас не дошел, и за лето я подправил что нужно в хозяйстве, лошадь прикупил, хлебом почти что до пасхи или немного поменьше запасся. Думал: дальше лучше устроюсь, никто меня от дома не оторвет, семья при мне будет.

А тут нежданно-негаданно опять мобилизация! Вот как горько стало на душе, прямо и сказать нельзя! Говорили: мир, мир,—а мир-то с воробьиный нос сроком вышел! Сошлись мы тогда в нашей деревне обсудить. Иной говорит: нужно итти, ничего не поделаешь. А другой объясняет, что теперь не такая война, как с немцами: раньше крестьянин против крестьянина воевал по приказу своих помещиков и погибал за помещиков. А теперь, дескать, собрались на окраинах России, на Дону да на Урале, про-

нганные помещики и буржуи, смутили казаков, собрали отовсюду бывших офицеров и идут войной против рабочих и против крестьян, чтобы опять сесть нам на шею и сосать нашу кровь,—драть, как говорится, с живого и с мертвого.

Долго мы на деревне так говорили: итти или не итти. К нашему разговору присоединились и те, кого не призывали. Чаще других все подходил один шустрый парень из богатой семьи; он сам уже не работал и отец его тоже, а разве что побалуются; держали работника круглый год, а летом на них многие работали за долг. Вот этот шустрый паренек, Дерунов по фамилии, нас подзуживал:

— На кой чорт эта мобилизация! Зря людей гусят, наши же российские друг друга бьют. Ни одному человеку не нужно являться!

Дерунову поддакивал и поп,—жадный он у нас,—и учитель, называющий себя социалистом-революционером. Однако мы не послушали их и все явились.

Пришлось нам жить в губернском городе, в казарме. Пока не увидали нового порядка, иной раз думалось, что опять по-старому будут помыкать тобою начальники и офицеры. Оказалось не то. Жизнь красноармейца совсем другая, чем была жизнь солдата при старых порядках. Никто тебя не смеет обидеть или оскорбить. Ученьем и работой не нудили, а объясняли, что и как, и почему приходится соблюдать строгую дисциплину. У нас это скоро поняли, так что не из-под палки старались, а по совести. Почти каждый понимал, что без дисциплины и порядка красная армия не будет иметь никакой силы, и что казаки или чехо-собаки нас легко побьют.

Поэтому, если кто уклонялся от службы, то сами же товарищи стыдили его и не позволяли лодырничать.

Иногда ропот бывал насчет продовольствия. Но тут и я и другие объясняли товарищам, что от старой войны

большая разруха осталась, железные дороги попорчены, трудно подвозить. На это иные возражали:

— Трудно-то трудно, а все-таки и безобразия много, неуменья.

— Верно,—отвечали мы:—уменья большого нет у нашей рабочей-крестьянской власти, и непорядка много. А почему? Кто виноват? Разве виновато не старое правительство буржуев и помещиков? Разве не они держали нас в темноте, заставляя работать, как скотину? Разве они допускали нас учиться управлению? Как же требовать от нас, чтобы все шло сразу гладко? Дайте срок, научимся и мы все сами делать. Старая машина была получше, да кому она служила? Только буржую, да помещику, да офицеру. А нашего брата, рабочего и крестьянина, она в порошок молола и и плакать не давала. Вот вы говорите: продовольствия в срок не доставляют. А разве не знаете, что все губернии, откуда раньше шло продовольствие, захвачены теперь казаками, чехо-собаками и белогвардейцами? Вот прогоним их с Волги, доберемся до Сибири,—тогда будет вволю и мяса, и масла, и хлеба.

А потом пошли не очень радостные вести из деревни: приехали туда продовольственные отряды и требуют везти хлеб на ссыпные пункты. Тут малосознательные красноармейцы заговорили:

— Что же это за порядок, чтобы против воли заставлять везти хлеб? А деревня с чем останется?

На это мы объясняли, что из деревни не весь хлеб берут, а только у кого есть лишний, и оставляют еще на тех, кому нехватит до нового урожая. Нельзя же, чтоб красная армия голодала, а богачи гноили бы хлеб у себя в амбарах или мышей кормили в скирдах. И в городах нельзя сидеть без хлеба рабочим, которые ведь тоже работают на красную армию и на деревню.

Малосознательные скоро поняли нас и согласились с нами во всем. Только не надолго. Стали приходить новые вести из деревни, все хуже и хуже: болтали, что забирают не только лишний хлеб, у кого много, но берут и у кого мало, самый необходимый. И еще говорили, что наезжие отряды очень обижают крестьян, за еду не платят, берут лишнее, а чуть что—грозят расстрелом. Кое-где воспользовались этим кулаки-кровопийцы, которые хотели вернуть царя и помещиков: кулаки смутили народ, произошли волнения, доходило до сражений между крестьянами и красной армией. А после усмирения красноармейцы и продовольственники не разбирали будто бы, кто пошел на восстание по вражде к советской власти и кто—по неразумию: ведь иные присоединились к кулакам, потому что кулаки их принудили или обманули. Разве же можно таких обманутых крестьян-середняков равнять с кулаками, облагать контрибуцией заодно с ними, а то и расстрелять иной раз?

От таких вестей из деревни ропот в полку стал сильнее, и мы не сразу нашли, что думать. Сначала мы прямо не поверили, чтоб рабоче-крестьянская власть могла обижать рабочих и крестьян. Мы говорили, что нужно узнать, выяснить. И, действительно, оказалось, что многое болтали зря. Но многое оказалось и правдой, и тут нам пришлось призадуматься,—что же это за безобразие такое, и неужели в том состоит рабоче-крестьянская власть, чтоб притеснять и обижать нас же, крестьян? Если так, то чем же эта власть лучше старой?

Смутились мы и не знали, что сказать. А враги советской власти подняли голову, осмелели и стали почти что открыто говорить, что не нужно за такую власть воевать, а пусть приходят хоть казаки, хоть белогвардейцы—хуже не будет.

И вот началось дезертирство из полка. Оно случалось и раньше, но очень редко. А теперь стало больше уходить. Стали люди шептаться по углам. Мы говорили, что виноваты в обиде крестьян наши же красноармейцы, которых посылали на борьбу с кулаками: зачем они обижают середняка, трудового крестьянина. Но нам отвечали, что им, должно-быть, приказано было так делать.

Прошло немного времени, и опять из деревни пошли новые вести. Сначала из Веневского уезда, Тульской губернии, сообщили, что там по приказу из Москвы арестованы все те прохвосты, которые поступали незаконно и обижали деревню. Потом прослышали, что и в Вологодской, и в Рязанской, и в Смоленской губерниях идет расследование, и везде арестуют и увозят тех, на которых от крестьян поступали жалобы. Тут уже и мы заговорили по-иному с теми, кто ругал рабочее и крестьянское правительство. Мы им стали говорить:

— Вот видите, обиды были крестьянину не по приказу Совета Народных Комиссаров, а совсем напротив. Теперь обидчики сидят уже за решоткой, и им не сдобровать. Вот она что значит,—советская-то власть! Она не дает в обиду нашего брата. Разве так бывало при царе? Нет, тогда чем лютей был чиновник, тем больше он был люб правительству и получал больше чинов, жалованья и наград. То же и при Керенском. А теперь чуть зарвется человек,—сейчас его и потянут.

— Однакож, иные лютые советские сотрудники были убиты в волостях, и за них не помиловали крестьян,— возражали нам те, кто не был тверд в признании советской власти. Мы отвечали:

— Конечно, иных крестьяне ежели убивали, так порою было за что на них озлобиться: очень они неправильно поступали. Однакож, и наши нехорошо сделали, что сразу

же набрасывались на них с оружием: нужно было сначала жаловаться, дойти до высшей власти и все рассказать. А если дело уж очень не терпит, если вреда много, то арестуй такого и представь вместе с своей жалобой, как сделали наши товарищи в Никольском уезде, Вологодской губернии: там вздумали продовольственники пороть крестьян шомполами, так их сейчас же арестовали, этих молодчиков, поехали в Москву, рассказали обо всем народному комиссару юстиции, и он одобрил, что так сделали, сейчас же назначил следствие и никого из арестованных из-под замка не выпустил.

— Со всякой жалобой тоже в Москву не наездишься, — отвечали нам те, которые увидели уже свою неправоту, но не хотели сдаваться, а говорили, чтоб что-нибудь сказать. Но и на это мы нашли что возразить:

— Верно, что по всякому пустяку в Москву ездить не нужно, а нужно решать дома, самим. Как решать? А вот как. Ведь власть в губернии, в уезде и в волости принадлежит нашим же советам рабочих и крестьянских депутатов. Кто их выбирает? Мы же сами. Если выбрали плохих, то сами себя и винить должны. Конечно, иного человека не угадаешь. Так выбирай в депутаты только того, кого хорошо знаешь, что он человек честный, толковый и не будет тянуть руку богачей. После того, как выбрал, тоже не зевай,—смотри, не стал бы человек портиться, и чуть- что, сейчас же скажи ему самому и другим: не так мол он поступает, как надо. А если он упорствует, то подбирай народ, подговаривай всех, чтоб назначить перевыборы, негодных сместить, а на место их выбирать новых. Для новых тоже будет острастка: ежели что, так и их сместят при новых выборах. Правда, что трудно нам подобрать подходящих людей для управления, но опять же не мы в том виноваты и не советская власть, а все то же во-

веки-веков проклятое царское самодержавие: ведь это оно держало нас в темноте и в неуменье. Однако рано ли, поздно ли, а ведь нужно было нам самим браться за дело, нужно было учиться. Вот и взялись, и учимся. Пока учимся, трудновато приходится, а как научимся,—заживем на славу, в довольстве и спокойствии, сами себе господа, и радостно будет нам глядеть на свет божий.

Много у нас бывало разговоров в казарме в этом роде. Были меж нас толковые товарищи, которые читали каждый день газету, все понимали и могли пересказать. Оттого у нас дружно жили. Смотрели друг на друга, как брат на любимого брата, и понимали, что перед лицом врага никто из нас не отступит, товарищей не выдаст, трусу не спраздднует. Винтовку, амуницию и все полковое имущество мы берегли, как свое собственное: ведь мы знали, что оно понадобится и после нас тем, кто придет нам на смену для защиты рабочей и крестьянской свободы и революции.

Между тем пришло время ехать на фронт. Тут иным становится страшно: а ну как убьют или искалечат? И в некоторых полках бывает, что в пути многие уходят из своей части, делаются дезертирами. А в нашем полку ни один человек не ушел. Вот это называется, действительно, революционный, славный, дружный полк! Никто не захотел покинуть товарищей, когда пришло время показать себя и стать грудью против проклятых белогвардейцев.

Попали на южный фронт, против красновской армии, прямо на передовые позиции. Сначала несколько дней тихо было: занимали караулы, ходили кое-кто в разведку. Порой казаки показывались, и мы в них постреливали. А когда красновцы вздумали вести настоящее наступление, мы их так отчехвостили, что долго будут помнить. А с нашей стороны потерь почти не было, потому что не было ни-

какой сумятицы и трусости: все работали спокойно и уверенно, зная, что никто друг друга не выдаст.

После мы узнали, что не везде по фронту стоят так крепко, как на нашем участке. В иных местах беспорядок, недосмотр и—что хуже всего—не мало дезертиров. Мы все считаем, что дезертирство бывает больше от несознательности, а все же порой зло берет на дезертиров. Иные даже из нас говорят, что дезертирство происходит не от несознательности, а прямо таки от подлости. Они говорят:

— Не может этого быть, чтоб дезертир не понимал, что хорошо и что худо. Нет, он отлично понимает, что лучше прогнать помещиков, чем платить ему аренду. Лучше работать на фабрике восемь часов, чем одиннадцать. Лучше иметь свою крестьянскую и рабочую власть, чем власть буржуев и помещиков. Лучше нам держать буржуев в узде, чем терпеть притеснения от полиции, которая служит буржуям. Все это и малый ребенок поймет. А дезертир—это такой человек, который в роде буржуя: он хочет, чтоб другие защищали его землю и свободу, чтоб другие трудились на него и страдали за него, а он чтоб сидел дома да жирел за чужой спиной. Нет, нельзя давать послабления таким изменникам рабочему и крестьянскому делу. Раз'яснять — раз'ясняй. но тут и палка на нашего брата нужна. Не хочешь добром служить в красной армии, так товарищи тебя заставят насильно служить. Нужно всех дезертиров отдавать под суд. Нужен на них самый строгий закон,—тогда узнают, как предательствовать, убегать из рядов красной армии и подставлять нас под выстрелы белогвардейцев, оставляя товарищей без поддержки.

Так говорили многие и роптали, что Совет Народных Комиссаров или Совет Обороны не издает самого строгого закона против дезертирства. И когда появился, наконец,

постановление Совета Рабоче - Крестьянской Обороны против дезертиров, то все мы приветствовали его.

Вот это постановление:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ.

В то время, как главная масса рабоче-крестьянской Красной Армии честно борется на фронте, стойко перенося все тяготы, сопряженные с военными действиями в зимнюю пору года, некоторые порочные, а подчас и несознательные элементы самовольно отлучаются из своих частей и отправляются в глубокий тыл или места своего постоянного жительства.

Признавая такое явление одним из самых тяжких и позорных преступлений и находя необходимым обратить всю энергию государственной власти для борьбы с ним, Совет Рабоче-Крестьянской Обороны предписывает всем советским учреждениям немедленно приступить к повсеместному розыску дезертиров и передаче их в руки власти.

Одновременно на Революционный Военный Совет Республики возлагается:

I. Не приостанавливая начатой борьбы с дезертирством, принять меры к тому, чтобы те дезертиры, которые в течение двухнедельного срока со дня опубликования особого приказа добровольно явятся в распоряжение военных властей, были бы освобождены от наказаний, при непременном, однако, зачислении добровольно явившихся из отлучки в войсковых частях на особый учет, с тем, чтобы в случае новых нарушений революцион-

ного долга они подвергались законной каре в высшей ее степени, сравнительно с виновными в тех же проступках и преступлениях остальными солдатами Красной Армии [1]).

II. Для непосредственного осуществления мер для борьбы с дезертирством:

1) Учредить Центральную Временную Комиссию в составе представителей Всероссийского Главного Штаба, Всероссийского бюро военных комиссаров и Народного Комиссариата Внутренних Дел.

2. Предоставить указанной в п. I Центральной Комиссии по борьбе с дезертирством привлекать к совместной с нею деятельности и для учреждения вспомогательных органов на местах представителей соответствующих учреждений и отдельных лиц, необходимых по ходу работ данной комиссии.

3. Расходы упомянутой в пункте I комиссии, а равно ведомств и учреждений, привлекаемых к борьбе с дезертирством, относить на кредит, ассигнуемый на расходы «особого назначения, вызываемые военными действиями», возложив испрошение необходимых для указанной цели кредитов и отчетность в их расходовании по принадлежности на надлежащие ведомства и учреждения.

4. Революционный Военный Совет Республики отпускает в распоряжение Центральной Временной Комиссии по борьбе с дезертирством два миллиона рублей в виде аванса на чрезвычайные расходы.

---

[1]) Не распространяя этой льготы на самовольно оставивших свои части или уклонившихся от учета после опубликования настоящего распоряжения.

5. Развить при ближайшем участии Всероссийского Бюро Военных Комиссаров и Военного Отдела Издательства В. Ц. И. К., путем митингов и печати широкую и всестороннюю агитацию среди населения с тем, чтобы создать среди трудовых его масс и, прежде всего, в рядах Красной Армии, отчетливое понимание о всей преступности дезертирства при трудных условиях настоящего времени, в коих находится страна.

6. Установить наказуемость: 1) пойманных дезертиров—в пределах от денежных вычетов в утроенном размере причитавшегося им за время отсутствия из части содержания до расстрела включительно и 2) всех укрывателей дезертиров, председателей домовых комитетов и хозяев квартир, в коих будут обнаружены укрывающиеся,— в виде привлечения к принудительным работам на срок до пяти лет.

7. Возложить на ответственность губернских, уездных и волостных военных комиссаров, сельские и волостные комитеты бедноты и Исполкомы Совдепов своевременное принятие самых действительных мер по борьбе с дезертирством и к самому широкому оповещению населения о настоящем декрете.

8. Поручить Народному Комиссариату Юстиции совместно с Народным Комиссариатом по военным делам:

а) разработку для Революционных Трибуналов инструкций по определению степени виновности дезертиров и

б) установление, совместно с народным Комиссариатом Внутренних Дел, степени виновности

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

должностных лиц в случаях недостаточно энергичной борьбы с дезертирством

Председатель Совета обороны
В. Ульянов (Ленин).

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль,
25 декабря 1918 г.

Мы все читали это постановление вслух по ротам, обсуждали и вполне одобрили его. Мы считаем справедливым, что нельзя всех равнять под одну мерку: иной отлучится из полка по глупости или по особой причине, так что довольно наказать его вычетом из жалованья; а иной негодяй не только сам дезертирует, но и других подговаривает бросить товарищей в самую трудную минуту, на походе или вблизи неприятеля,—такого нельзя по головке гладить.

Но, кроме предания суду, мы и сами должны стараться, чтоб не было среди нас изменников или людей малодушных: нужно присматриваться к товарищам, утешать и подбадривать их в горе, помогать в несчастии, а иной раз и прикрикнуть на малодушного или пристыдить его. Чем дружнее мы будем жить в своей части, тем крепче будет она.

Конечно, дезертирство всегда останется, хоть в малой мере. Но мы не смутимся тем, что отдельные лица покинут наши товарищеские ряды. Мы знаем, что, в конце-концов, им же будет хуже. Их поймают и накажут.

А потом, когда мы окончательно победим помещиков, буржуев и всех, кто им помогает, мы вернемся домой с сознанием, что не чужими руками загребаем жар, а своими собственными. Что это мы выковали свое счастье, довольство и свободу для себя, для детей и внуков. И наши имена

будут священны в потомстве. А дезертиров ничего не ждет, кроме презрения: их будут стыдиться собственные дети, когда подрастут, их будут презирать односельцы. И куда бы они ни переселились, они всегда будут жить в страхе, что откроется их подлая трусость и все отвернутся от них.

Нас ждут великие труды и опасности. Но за ними впереди великие победы и великие, неизведанные никем радости. По всей земле среди рабочих и крестьян идет слава о нашей революции. Везде удивляются нам, завидуют нам, работают у себя на родине заодно с нами. И не далек уже тот день, когда народы всего мира освободятся от буржуазии и протянут друг другу братскую руку.

Записал *М. Ольминский.*

СВЯЖИСЬ СО СВОИМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ!

ТОВАРИЩ!

крепко запомни

АДРЕС ВОЕННОГО ОТДЕЛА

Издательства Всерос. Центр. Исп.
Ком. Сов. Р., К., К. и К. Деп.:

МОСКВА, 2-й дом Советов (бывш. Метрополь)
3-й под'езд, кв. 15. Телефон 50-98.

Телеграммы: Москва, Книгармия.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)